

Михаил Никифорович Катков и борьба вокруг церковного характера начальной народной школы

В 1876 году произошло весьма характерное столкновение между одним из главных либеральных изданий – петербургской газетой «Голос», редактируемой Андреем Александровичем Краевским (1810–1889), и «Московскими ведомостями», которые к тому времени уже тринадцать лет редактировал Михаил Никифорович Катков (1818–1887).

3 февраля «Голос» под заголовком «Земские известия» опубликовал обширное письмо гласного (депутата) Рязанского губернского земского собрания Ф.С. Офросимова [20] о скандале, разгоревшемся в Александровском земском училище [8, с. 2]. Федор Сергеевич Офросимов (1817–1885), статский советник, помещик, бывший городской голова Рязани (1871–1872), а перед этим – председатель Рязанской уездной земской управы (1865–1871) был одним из лидеров либералов Рязанской губернии [5]. Предваряя его письмо, редакция «Голоса» заявила, что «всевозможные нападки на учительские семинарии сделались в настоящее время явлением обычным» – совсем недавно «сошла со сцены» Вятская учительская семинария, и вот теперь опасность нависла над учительской семинарией в Рязани [8, с. 2]. В чем же рязанский гласный и петербургские либералы увидели эту опасность?

Созданное в 1869 году и названное в честь Александра II в воспоминание покушения Д.В. Каракозова на царя (4 апреля 1866 года), оно приобретает реальный статус учительской семинарии только в 1885 году, через шестнадцать лет с момента открытия [24]. Здесь стоит подчеркнуть, что речь идет о светском учебном заведении, хотя и носящем имя «семинарии». Оно никак не было связано с Рязанской духовной семинарией, готовившей священнослужителей.

Из предисловия редакции к письму рязанского гласного следует, что за год до доклада Ф.Н. Рюмина, в 1874 году, директор правительственной инспекции народных училищ опроверг право Александровской земской школы на подготовку учителей. Такое право просто не было записано в ее уставе [8, с. 2]. В результате выпускникам устроили экзамен на учителя в гимназии, что страшно возмутило земских деятелей. Потом земцы нашли все-таки в утвержденном ими же уставе школы некий параграф на право выдавать учительские дипломы [8, с. 2]. Ф.С. Офросимов с негодованием пишет, как на протяжении всех восемнадцати дней сессии земцам пришлось биться за то, «чтобы удержать и не дать разрушить» дело, «пустившее здоровые и свежие корни» [8, с. 2].

Ф.Н. Рюмин обвинил воспитанников школы в «антирелигиозном и безнравственном направлении». При этом он ссылаясь на инспектора начальных школ, которому крестьяне

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич), секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, секретарь Ученого совета Иваново-Вознесенской духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела Иваново-Вознесенской епархии, преподаватель кафедры теологии Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени свв. равноап. Кирилла и Мефодия. E-mail: inok_viti@mail.ru

рязанской Троицкой слободы, где располагалась «семинария», жаловались – воспитанники не дают им покоя, свободно уходят из учебного заведения, посещают трактиры, ходят пьяные с песнями и гармошкой, заводят драки, иногда их задерживает ночью за буйство городской караул [8, с. 2]. Выпускник «семинарии», ставший учителем в селе Киструс Спасского уезда, нахамил губернатору, посетившему его школу, другой выпускник, назначенный в Касимовский уезд, открыто кощунствовал [8, с. 2].

Выяснилось, что в «семинарии» от воспитанников не требуется обязательного посещения церкви, посты практически не соблюдаются, ученикам незнакомы самые основные правила вежливости, они грубы и бесцеремонны, неопрятны. Учащихся кормили из общей чашки. Классных журналов не было в принципе, учащихся пичкали идеями популярного в разночинной среде 60-х годов XIX века вульгарного материалиста Молешотта, того самого, который считал, будто бы мозг вырабатывает мысль, как печень – желчь. Один из выпускников «семинарии», став земским учителем, скормил собаке просфору [6, с. 36].

В защиту учительской школы поднялись все местные земские либералы. Особенно настойчиво выступал предводитель дворянства Спасского уезда Дмитрий Дмитриевич Дашков (1833–1901). Его аргументация была проста: в «семинарии» хорошо учатся, значит, пить не могут и тратить время на прогулки с гармошкой по улицам тоже. По его словам, в трактиры ученики, как это обычно делает простонародье, ходят кушать, нравственный человек вовсе не обязан обладать светскими манерами. Учителя должны дружить с воспитанниками, а не прививать им палочную дисциплину или следить за «образом их мыслей». Д.Д. Дашков с брезгливостью высказался в адрес свидетельствовавшего против «семинарии» местного священника о. Алякова, что тот якобы сам хочет занять в школе место воспитателя [8, с. 2].

Один из крупнейших русских либералов второй половины XIX столетия, славянофил и крупный помещик Александр Иванович Кошелев (1806–1883), тоже являвшийся гласным Рязанского губернского земского собрания [20], требовал от Ф.Н. Рюмина тщательной проверки всех обвинений, заявлял, что никакие факты комиссией земскому собранию не представлены [8, с. 2].

В конечном счете собрание отдало «в дисциплинарном отношении» Александровскую «семинарию» (которая пока не имела такого статуса) под особое наблюдение председателя губернской земской управы, другого крупного помещика, князя Сергея Васильевича Волконского (1819–1884) и признало состояние учебного заведения в религиозном отношении вполне удовлетворительным [8, с. 2]. Гласные создали специальную комиссию для выработки дисциплинарных правил Александровской школы и дружно забаллотировали Ф.Н. Рюмина, который попытался в эту комиссию войти [8, с. 2].

При этом речь шла о школе, насчитывающей всего несколько десятков учеников – крестьянских парней. Казалось бы, почему все эти серьезные люди восемнадцать дней тратят на столь незначительный вопрос, а крупное либеральное издание отводит под рассказ об этом почти целую полосу? Недаром ведь Ф.С. Офросимов заявил, что Рюмин «бросил камень в воду», в результате чего пойдут круги [8, с. 2]? То, что подоплека рязанских событий имеет всероссийское значение, показали дальнейшие события.

10 марта, чуть больше чем через месяц после публикации «Голоса», в катковских «Московских ведомостях», было опубликовано «Письмо к издателю» Ф.Н. Рюмина [23, с. 4]. Он доказывает, что перед ревизией Александровской школы собрал о ней всевозможные сведения от «воспитанников, должностных и частных лиц, живущих в околоте семинарии, от г.г. инспекторов народных училищ и от землевладельцев, имеющих в своем соседстве сельских учителей, окончивших курс в земской семинарии» [23, с. 4]. Все они говорили «о расстройстве в ней важнейшей воспитательной части» [23, с. 4]. Рюмин жалуется на «не совсем доброжелательный прием», который встретил его доклад на сес-

сии Рязанского губернского земского собрания [23, с. 4]. В его письме снова перечисляются пьянки учащихся, хождение их по трактирам с гармошкой, непосещение ими церкви [23, с. 4]. Ф.Н. Рюмин настаивает на достоверности своих сведений, говорит о привлечении в качестве свидетелей местного пристава и священника [23, с. 4].

В своем письме Рюмин делает массу реверансов в сторону рязанских либеральных земцев. Он упорно именует земскую школу семинарией, хотя та не имела еще такого статуса, пишет, что преклоняется перед «красноречием и находчивостью Д.Д. Дашкова, перед его любовью к земским делам, перед изящно-литературной формой его докладов, привлекающих толпами публику в зал собрания». Но все же он фактически обвиняет Дашкова в подтасовках фактов, словесной эквилибристике. Настаивая на том, что дисциплина лежит в основе нравственного воспитания, Ф.Н. Рюмин подчеркивает, что этот его тезис очень не понравился ни земцам, ни «Голосу». Он возмущается тем, что Д.Д. Дашков обычные дисциплинарные меры публично назвал «дрессировкой» [23, с. 4].

Через четыре дня после публикации письма Ф.Н. Рюмина М.Н. Катков поместил в «Московских ведомостях» свою передовую статью (как обычно, неподписанную) по следам рязанских событий [9, с. 3]. В ней он говорит о вреде «дурно воспитанных учителей».

Михаил Никифорович пишет: «Приготовление таких учителей, которые могли бы быть распространителями не просто грамотности, но и религиозно-нравственного воспитания в народе есть дело первой важности: от него зависят судьбы нашей народной школы и свойство ожидаемых от нее плодов» [9, с. 3]. Он обращает внимание на то, что не воспитанные должным образом учителя принесут крестьянам куда больше вреда, нежели революционные народники. О последних М.Н. Катков отзывается так: «пустые люди, которые никем не призванные и не признанные “идут в народ”» [9, с. 3]. В качестве примера он приводит германские учительские семинарии, где педагогика основана на дисциплине, в том числе – и на жестких наказаниях [9, с. 3].

Далее Катков касается самих рязанских земцев и атмосферы, царившей на земском собрании. Он отмечает: «Господин Рюмин, производивший ревизию семинарии, был посажен на скамью подсудимых; ответчики и их адвокаты преобразились в судей... Поднялись хитрые вопросы, открылись ораторские заговаривания противника, началась обычная на земских собраниях история заминания вопроса и поворачивания гласных в ту сторону, в какую нужно. Председателя ревизионной комиссии... поставили в положение судимого за клевету; все подтверждения ревизионной комиссии всеми правдами и неправдами старались заподозрить и дискредитировать» [9, с. 3]. Свою статью Михаил Никифорович закончил предложением передать Александровскую школу от земцев в «более компетентные руки» Министерства народного просвещения [9, с. 3].

Через полтора месяца, 19 апреля 1876 года, М.Н. Катков вернулся к теме рязанского конфликта в новой передовой статье «Московских ведомостей» [10, с. 3–4]. Здесь он напоминает читателям об обвинениях в адрес земской «семинарии» и добавляет новые подробности: «На стенах и потолках обвалилась штукатурка, стены покрыты слоем пыли, в библиотечной комнате валяются оборванные книги и изломанные инструменты, в мастерских все разбросано в пыли и беспорядке. Всякие справки о воспитанниках затрудняют учителей, во всем обнаруживается отсутствие хозяина» [10, с. 3].

Катков напоминает читателям вывод ревизионной комиссии, написавшей: «Образование в Александровском земском училище совершенно сглаживает в воспитанниках присущий русскому крестьянину отпечаток врожденной религиозности и непритворной вежливости и создает из своих питомцев что-то недоделанное, не обещающее желаемых результатов» [10, с. 3]. Он раскрывает причины, по которым рязанские земцы бросились защищать это учебное заведение: «Осуждение школы принято, как осуждение деятельно-

сти земства по части народного образования, приверженцы педагогической деятельности земства почувствовали затронутым свое самолюбие» [10, с. 3].

Не только «Голос» А.А. Краевского, но и, пожалуй, наиболее известное тогда либеральное повременное издание – «Вестник Европы», редактируемый Михаилом Матвеевичем Стасюлевичем (1826–1911), встало на защиту рязанской учительской школы, вступив в полемику уже с «Московскими ведомостями» [4, с. 819–820].

Крайне характерно, что эта полемика со стороны неподписавшегося автора (самого М.М. Стасюлевича?) велась уже в контексте требований «свободы совести», ограничения прав семинаристов на поступление в университеты, призывов к ликвидации сословного характера духовных семинарий и епархиальных женских училищ, превращению их в некие «специальные курсы». Именно этим вопросам и была посвящена основная часть «Внутреннего обозрения» апрельского номера 1876 года, в контексте которых задел в том числе и статью «Московских ведомостей» о рязанском конфликте [4, с. 793–820].

М.Н. Катков откликнулся на выпад «Вестника Европы», язвительно заметив, что его редакция решила теперь сыграть роль церковного благочинного. Речь шла об обвинениях, который «Вестник Европы» выдвинул в отношении рязанского священника, обвинившего учащихся Александровской школы в том, что они выходят с Литургии, их приходится потом разыскивать с помощью дьячка, – мол, священник должен быть всецело поглощен богослужением, а не следить за прихожанами [10, с. 3].

Михаил Никифорович считал, что конфликт вокруг рязанской учительской школы лишний раз доказывает – «земские учреждения вообще не так организованы, чтобы заведовать учебно-воспитательным делом» [10, с. 3]. Вновь упоминая народников, но не называя их этим нарицательным именем, М.Н. Катков пишет: «Язва дурных народных учителей, образованных по системе педагогов Рязанского земства, есть несравненно более серьезное и опасное зло, чем вся эта мелюзга, которая в наши дни, гонимая каким-то ветром, тщится распространять в народе революционные идеи». По его мнению, с самим народом эта «мелюзга» имеет мало общего и поэтому не может считаться «серьезным злом в народной жизни». Она исчезнет, как только, и тут Михаил Никифорович применяет весьма крепкое, хотя и печатное выражение, «наше так называемое образованное общество будет умнее и очистится от старого крепостного дерьма, которое еще продолжает либерально киснуть и прогрессивно разлагаться на нем». А вот «народные учителя, воспитанные по программе непризванных педагогов, могут стать язвой, которая будет отравлять народное существование в его истоках» [10, с. 3].

М.Н. Катков развивает в этой статье свое видение задач начальной народной школы и подготовки для нее учителей. Он считает, что учительская семинария не имеет никакого отношения к высшему образованию, не готовит «двигателей науки, профессоров и академиков». Учитель народной школы должен быть хорошо грамотным, «сведущим в предметах первоначального обучения», но «прежде всего и главнее всего» человеком порядка, дисциплины, воспитанным «в строгом соблюдении церковных уставов и правил общественной нравственности». Курс его обучения должен быть рассчитан не на подготовку всезнайки, «способного легко толковать о предметах, превышающих его разумение», а на формирование человека скромного, «без фальшивых претензий» [10, с. 3]. То есть новый учитель, получивший поверхностные знания, становится самым опасным, самым разрушительным ферментом для активного брожения в народной массе, особенно если он приправлен тем самым печатным «крепостным дерьмом». На самом деле при всей своей внешней экзальтированности эта мысль Михаила Никифоровича весьма точна. Только, как мы покажем ниже, стоило вместо слова «крепостное» сказать «крепостническое» по отношению к происхождению русского либерализма 60–70-х годов XIX века.

Катков считал, что «церковные причетники и старые служивые» гораздо лучше новых учителей могут обучать народ, как это и было в старые времена. По крайней мере они не возведут «распущенность в идеал, разврат в науку и не поставят для народа кабаки вместо храма», чего можно ожидать от земских питомцев. В общем, говорит он, лучше «оставить это дело», то есть создание нового учительского сословия, «на волю Божию» [10, с. 3].

В этом же номере «Московские ведомости» напечатали оправдательное письмо в редакцию того самого князя С.В. Волконского, которого рязанское собрание поставило во главе комиссии по наблюдению за Александровской школой. В нем Волконский настаивал на ненужности дисциплины в учительском учебном заведении. М.Н. Катков сопроводил текст своего «почтенного противника» такими словами: «Руки опускаются при виде, какая смута понятий господствует у нас в умах общественных деятелей, даже воодушевленных лучшими намерениями» [10, с. 4].

Обращаясь к своим земским оппонентам, М.Н. Катков пишет: «У каждого из вас, наверное, есть много серьезных дел, занимайтесь ими, занимайтесь тем, в чем вы можете показать себя людьми вполне зрелыми, здравомыслящими, дельными и бросьте то, что вас сбивает с толку». Михаил Никифорович считает, что они упорствуют из самолюбия и поступают против совести [10, с. 4].

Однако на самом деле то, что «почтенные противники» «Московских ведомостей» настаивали на создании новой земской школы с новыми учителями, напрямую вытекало из их мировоззрения и рассматривалось ими самими как одно из главных дел жизни. Одной из ключевых фигур в конфликте вокруг Александровской земской школы был, как отмечалось выше, Александр Иванович Кошелев. В современной литературе можно встретить в применении к нему, например, такое наименование: «Титан российской провинции» [5]. Этот известный либерал, славянофил и деятель освобождения крестьян был одновременно весьма рачительным крупным помещиком – по разным данным, он имел в Рязанской губернии от 5 до 5,5 тыс. душ крепостных [7, с. 67].

Даже к моменту реформы 1861 года барщинные крестьяне составляли половину всех крепостных Кошелева. На основе указа 12 июня 1844 года, позволяющего отпускать дворовых на волю без земли, А.И. Кошелев по добровольной сделке отпустил до 200 своих дворовых, определив выкуп по ценам продажи людей или по стоимости рекрутской квитанции. Мальчик 15 лет мог откупиться за 150 рублей серебром, мужчины от 20 до 30 лет – за 300 рублей серебром. Если дворовый был обучен ремеслу, то выкуп повышался до 420 рублей серебром. При этом Кошелев яростно обличал других помещиков, «которые еще торгуют людьми» [7, с. 69].

В 1835 году к Кошелеву перешел от прежнего владельца винокуренный завод в плачевном состоянии. Кошелев привел его в порядок и за десять лет (1838–1848) нажил на винных откупах целое состояние, только за один 1838 год – 100 тысяч рублей серебром [7, с. 71]. В начале 1848 года Александр Иванович на выгодных условиях отказался от откупов [15, с. 83]. В 1850 году он составил записку о вреде откупов для народа и об их невыгодности для казны [7, с. 71].

Занимаясь предпринимательской деятельностью, А.И. Кошелев сблизился с одним из представителей крупной буржуазии В.А. Кокоревым, также разбогатевшим на винных откупах и нажившим себе семимиллионное состояние. Именно Кокорев откровенно заявил на собрании купечества в Москве в 1857 году, что капиталы винных откупщиков «составились из числа трудовых крестьянских денег» [7, с. 72]. Известная исследовательница деятельности славянофилов Е.А. Дудзинская считала, что «на первом месте у Кошелева стоял его собственный интерес, а затем уже все остальное» [7, с. 69].

После смерти Александра Ивановича его наследникам досталось земли и недвижимости на 2 миллиона 44 тысячи 500 рублей [7, с. 69]. При этом Александр Иванович

Кошелев считал себя глубоко верующим православным христианином и воспринимался современниками в качестве такового. До конца своей жизни он соблюдал установленные Церковью посты, что было совершенно нетипично для его общественного слоя [25, с. 2]. Каждый воскресный день он старался бывать в храме и пропускал богослужение только в случае крайней необходимости [13, с. 228]. Матери Александр Иванович писал: «Благодать Божия не покидала меня, и одно из лучших для меня удовольствий – встать поутру и прочитать две или три главы из Евангелия. Это успокаивает меня на целый день и очищает душу» [13, с. 229].

А.И. Кошелев считал, что главным отличием его друзей-славянофилов от западников было отношение к религии. Он писал в своих мемуарах, что западники «отводили религии местечко в жизни и понимании только малообразованного человека и допускали ее владычество в России только на время, – пока народ не просвещен и малограмотен; мы же на учении Христовом, хранящемся в нашей православной Церкви, основывали весь наш быт, все наше любомудрие и убеждены были, что только на этом основании мы должны и можем развиваться, совершенствоваться и занять подобающее место в мировом ходе человечества» [15, с. 91].

С 1847 года Александр Иванович, по собственным его словам, «погрузился в чтение богословских книг» [15, с. 83]. «Зимние беседы с Хомяковым и Ив. Киреевским, – вспоминает он в мемуарах, – были главной побудительной причиной к этим занятиям... Чтение святых отцов особенно меня к себе привлекало, и я в одно лето прочел почти все творения Иоанна Златоустого и много из сочинений Василия Великого и Григория Богослова. Эти занятия меня оживляли, поднимали, и я чувствовал себя как бы возрожденным» [15, с. 83].

На протяжении сорока лет по вторникам А.И. Кошелев в своем московском доме собирал салон для людей самых разных политических взглядов – от славянофильствующих либералов до радикалов. Как свидетельствует автор некролога в газете «Современные записки», он незадолго до своей скропостижной смерти объехал знакомых и «очень просил их не забыть вторника». В тот самый вторник, 15 ноября 1883 года состоялись его похороны в Даниловом монастыре Москвы [25, с. 2].

При этом в целом к духовенству А.И. Кошелев относился резко критически. На протяжении всей своей общественной деятельности он будет резко протестовать против попыток сосредоточить начальное образование в руках духовенства, а в конце жизни – против планов правительства существенно расширить сеть церковно-приходских школ. Например, в 1869 году он обвинял священников, руководивших приходскими школами, в том, что большинство из них преподают неудовлетворительно [14, с. 143].

Фактически Кошелев рисует карикатуру на приходские школы, утверждая, что ученики там работают на священников, «носят воду, рубят дрова, посылаются на гумно за соломой или с другими поручениями, а в свободное от этих занятий время долбят азбуку или псалтирь» [14, с. 143]. «Эти школы просто вредны, – восклицает Александр Иванович, – ибо тут мальчики не образуются, а привыкают к напрасной трате времени, ко всякого рода шалостям, и получают отвращение от чтения и письма» [14, с. 143].

За год до своей смерти, в октябре 1882 года, в той самой либеральной газете «Голос», с которой активно боролся Михаил Никифорович Катков, Кошелев выступил с обширной статьей, направленной против планов правительства особо поддержать развитие церковно-приходских школ [16, с. 1]. Здесь он обвинил духовенство в том, что оно хочет из видов корысти захватить сельские школы. При этом оно, как только получит денежную помощь от государства, непременно, с точки зрения Александра Ивановича, «пренебрежет своими пастырскими обязанностями» и станет «по большей части неумело» учить детей. Он был убежден, что крестьяне категорически не любят духовенство. Кошелев восклицает: «Откройте словарь Даля на слове “поп” и вы вполне в этом убедитесь. Этот церковный служитель перещеголял даже казенного

чиновника, который, быть может по меньшим сношениям с крестьянами, не вызывает с их стороны такого множества иронических и сатирических замечаний и острот» [16, с. 1].

А.И. Кошелев шантажирует читателей тем, что в случае решения правительства выделить средства под церковно-приходские школы, «земства свои ассигновки на народное образование прекратят». «Общегосударственных, общенародных денег» будет потрачено много, а результата, с точки зрения Кошелева, не будет вовсе [16, с. 1]. В качестве примера он приводит «прежние училища министерства государственных имуществ, существовавшие только на бумаге, а в действительности – лишь в зданиях и расходных отчетах» [16, с. 1].

Под статью Александру Ивановичу Кошелеву действовал и его ближайший соратник, Дмитрий Дмитриевич Дашков, сын министра юстиции Дмитрия Васильевича Дашкова [17], предводитель дворянства Спасского уезда Рязанской губернии [17], гласный Рязанского губернского земского собрания [20]. 13 декабря 1869 года он выступил на сессии этого собрания с резкой критикой существующей постановки начального школьного образования в Рязанской губернии, приведя, впрочем, и ряд позитивных, с его точки зрения, примеров, в том числе и по школам, руководимым духовенством [6, ч. 2, с. 3–38].

Именно Дашков был инициатором создания в Рязани специальной школы для подготовки учителей, причем подчеркивал, что «особая симпатия» привязывает его к «молодому сельскому учителю из крестьян», хотя и мелкопоместные дворяне, и дети дьячков тоже могут годиться в учителя [6, с. 29]. В 1872 году он издал брошюру «Каких училищных семинарий нам не нужно?», где писал, что подготовка учителей заключается в их воспитании, а не в «приготовлении различных учительских и других дел мастеров» [6, с. 29]. До конфликта вокруг Александровской школы тогда оставалось всего три года.

На открытии в Рязани специальной учительской семинарии, в которой из крестьянских мальчишек делали бы народных учителей, настаивал в 1869 году в своей книге «Голос из земства» и Александр Иванович Кошелев [14, с. 104].

Но, может быть, действительно состояние народной школы на селе к моменту земской реформы являлось совершенно неудовлетворительным, а духовенство в своей массе не способно было быть учителями?

Это совершенно не так.

В первую очередь следует отметить, что грамотность на селе не была напрямую связана со школьной сетью. Например, в Яриловой волости Пошехонского уезда с 30-х по начало 60-х годов XIX века грамотность призывников достигала 40%, в некоторых местах до 2/3, а в ряде селений вообще не было неграмотных. В Угличе из 283 призывников в 1858–1861 годах грамотных было 257. Грамоте учили «мастера» из числа клириков, отставных солдат и т.д. [2, с. 152].

Об уровне грамотности крепостного крестьянства свидетельствует тот факт, что еще в XVIII столетии крепостные графов Шереметевых из села Васильевское Шуйского уезда во главе с крестьянином Иваном Прихудаловым вели богословскую переписку с преподобным Паисием Величковским, который из далекой Молдавии присылал к ним своих монахов с ответами [2, с. 152].

С 1836 года, после утверждения Святейшим Правительствующим Синодом специальных правил для первоначального обучения поселянских детей, начинают активно открываться народные школы, руководимые духовенством [2, с. 152].

В 1838 году в селениях государственных крестьян, подконтрольных Министерству государственных имуществ, начинают в массовом порядке создаваться школы, учителями в которых были священнослужители. Школы эти были достаточно эффективны и вовсе не являлись формальными вопреки приведенным выше утверждениям А.И. Кошелева.

В результате к моменту отмены крепостного права многие священнослужители имели педагогический стаж народного учителя, исчислявшийся двумя десятками лет [2, с. 153].

Некоторые из них, несмотря на последовавшее затем давление на духовенство со стороны либерального земства, в той или иной форме продолжили свою педагогическую деятельность. Так, настоятель храма в селе Алпатьево Зарайского уезда Рязанской губернии протоиерей Алексей Тарасович Дроздов посвятил школе 44 года и 5 месяцев своей жизни, обучив грамоте несколько поколений односельчан.

Учительство было совершенно органичным и естественным занятием для духовенства, подготовленного к нему долгими годами обучения. Это многократно и многообразно подчеркивалось в консервативной публицистике в конце 50-х – 60-х годов XIX века. Например, в 1859 году журнал «Домашняя беседа», редактируемый Виктором Ипатьевичем Аскоченским (1813–1879), писал, что в духовных семинариях «преподается богословие со всеми его отраслями... две главные и существенные части философии, то есть, логика и психология, обучают духовной и светской... словесности, теоретически и практически; древним и новейшим языкам (хотя последним и с грехом пополам), читают библейскую, церковную, общую политическую и всеобщую историю, учат физике, математике (тоже весьма недостаточно), знакомят воспитанников с сельским хозяйством, медициной, рисованием». Неужели же этих знаний священника недостаточно для того, чтобы преподавать самые элементарные предметы крестьянским ребятишкам? [18, с. 186].

Журнал «Христианское чтение» в 1862 году подчеркивал, что духовенство самими органичными узами связано с народом: «Пятилетний сын священника деревенского, дьячка или пономаря, – пишет он, – первые свои связи заводит с крестьянскими мальчиками; с ними он играет, они бывают первыми его друзьями... полная и постоянная связь детей духовных с крестьянскими продолжается до тех пор, пока восьмилетнего попovichа или дьячковича не посадит отец на телегу и не отвезет его в училище. И здесь в уездном городе, кроме своей братии – учеников, духовный мальчик заводит игры и знакомство с детьми не помещиков, не купцов, а с детьми солдат, мещан, у которых или вблизи которых ему приходится жить на квартире... Летние будничные занятия особенно дьяческих и пономарских детей бывают одинаковы с занятиями крестьянских мальчиков: те и другие помогают своим отцам в полевых работах» [22, с. 641].

«За исключением исправников и станowych до последнего времени деревни не видали образованных людей возле себя, – продолжает тот же автор. – Все, что образование давало простолюдину, давалось ему через духовенство... Священнический сын, приехавший на каникулы, рассказывает своим сверстникам о чудесах городской образованности и о чудесах науки, о том, что молния бывает от электричества, что есть лодки, едущие без парусов и весел, что существует на свете чугунок и что сто тысяч пудов может вместо лошадей везти пар... и сообщает другие подобные диковинки знания и цивилизации» [22, с. 643–644].

Неподписавшийся автор, видимо, из числа духовных, пишет: «Мы все почти выходим из народа, и снова, худо ли, хорошо ли образовавшись, возвращаемся в народ, и имеем полное право сказать, что лучше других образованных господ знакомы нам и радости и горе крестьянина. Что заунывная песня сильнее хватает нас за сердце, что мы очень хорошо понимаем и грехи, и добрые качества народа, что, словом, мы солидарнее всех лицемерно болеющих печальников народного счастья со своим народом» [22, с. 641].

Несмотря на свою близость к народу, священнослужители стояли существенно выше него по своему культурному уровню. И они совершенно естественно брали на себя цивилизаторские функции на селе.

В 1853 году в Новгородской губернии случилась эпидемия холеры. Тогда, после духовно-школьной реформы 1840 года, в семинариях изучался законченный курс медицины. Новгородские семинаристы были отправлены в села, где несли фельдшерские обя-

занности и, насколько было возможно в тогдашних условиях, старались лечить заболевших [3, с. 97].

Непосредственно перед отменой крепостного права и сразу после него Русская Церковь начала массово создавать приходские школы практически во всех епархиях. Так, один из самых известных рязанских архиереев, архиепископ Смарагд (Крыжановский) в одном только сентябре 1861 года открыл 93 новые школы. Учительствовали в них священники и диаконы. К апрелю 1862 года, в той самой Рязанской губернии, где Д.Д. Дашков потом будет жаловаться на якобы неразвитую школьную сеть, было уже 805 церковных начальных школ [2, с. 154].

Фактически на селе сложилась уникальная ситуация. Духовенство, являющееся лидером народного образования, могло реально стать весьма весомой силой в сельских общинах. Помещикам же терять лидерство совсем не хотелось. Такая ситуация совершенно не нравилась дворянству. Учитывая, что бюрократия, а потом и земские управы также были дворянскими, началась напряженнейшая борьба помещиков за выдавливание духовенства из народной школы и из сельской жизни вообще. Этому, например, была подчинена идея создания так называемых приходских попечительств, в которых священник полностью отстранялся от какого-либо участия в экономической жизни прихода, а земства, точнее, влиятельные помещики, приобретали бы полный контроль над церковной жизнью.

Впоследствии, столетием спустя, подобный способ борьбы с духовенством, якобы ради церковного самоуправления, изберет Н.С. Хрущев. А пока тот же Александр Иванович Кошелев активнейшим образом настаивал на повсеместном создании таких приходских попечительств [14, с. 131–132]. Он гневно обличал нежелание духовенства отдавать контроль над храмом прихожанам, писал, что священники «не хотят менять верное на неверное, собственное, произвольное хозяйничанье на чужое» [14, с. 128]. Кошелев настаивал, что члены попечительства должны распоряжаться не только теми деньгами, которые внесли на храм лично, но вообще всем приходским имуществом. Однако сам же констатировал, что в целом эта попытка земского либерального дворянства взять под свой контроль приходы провалилась [14, с. 129].

Как известно, в преддверии реформы 1861 года были учреждены губернские комитеты по крестьянским делам. А.И. Кошелева в такой комитет в Рязани не избрали, однако он сумел получить назначение туда от рязанского губернатора. В 1859 году этот комитет подготовил проект «Положения об улучшении быта помещичьих крестьян Рязанской губернии», в котором выражал опасения, что духовенство потеснит дворянство в сельской местности: «Доселе в России духовенство было подчинено во всем светской власти, но в минуту переворота оно может воспользоваться новым положением крестьян и стремиться к распространению своей власти за счет помещиков. Это опасение тем более представляется основательным, что опытом доказывается, что в большей части возмущений крестьян против помещиков, самую главную роль разыгрывало всегда местное духовенство» [2, с. 155].

Православными публицистами этого периода стремление образованного класса к материальной корысти и власти осознавалось очень хорошо. Например, «Домашняя беседа» четко указывала именно на эти основания попыток вытеснить духовенство из народной жизни. Она бросала в лицо «прогрессивному» либеральному дворянству обвинение в том, что оно считает народ только лишь «производительной силой в материальном отношении» и хочет в светских школах «выдрессировать человека, как дрессируете вашу собаку, чтобы она бойче доставляла дичь к вашему столу; как обучаете лошадь, чтобы она хорошо ходила у вас и под верхом и в оглоблях... Вы... смотрите на крестьянина, как на какую-то машину, которая, по-вашему, идет медленно, потому что цепляется за что-то,

и устраняя это что-то, хлопчете о том, чтобы она пустилась быстро возвращаться в ваше удовольствие» [18, с. 185].

Журнал подчеркивал, что духовное воспитание в православной традиции делает человека свободным, а функциональные знания могут ввергнуть его в положение раба. С православным образованием народа, «трудно сделать простолюдина машиной», ведь он «помня заповеди Божии, несмотря ни на какие запрещения, будет почитать церковные праздники и не пойдет в эти дни работать на вас, употребит в день три-четыре часа на молитву и богомыслие, тогда как эти три-четыре часа и дни праздничные входят у вас в производительную смету; захочет почитать «от божественного» – тогда, как, по-вашему, там очень мало или почти нет истинно полезных знаний, и потому-то вы желаете совсем оплотннить русского человека, сделать его, во имя прогресса, гуманизма и индустрии, ослом подъяремным» [18, с. 185].

Земская реформа фактически убила многие школы, созданные духовенством. Все школьные учреждения перешли в ведомство земств, а последние, ссылаясь на недостаток средств, просто отказывались финансировать те из них, где учителями были священнослужители [2, с. 155].

Происходили и весьма трагичные истории. Например, среди собеседников и корреспондентов святителя Феофана (Говорова), будущего Затворника, еще в бытность его на Владимирской кафедре был крестьянский самородок, народный учитель Иов Иванович Шумов, происходивший из села Непотягово Суздальского уезда (ныне – территория Ивановской области). Иов Иванович всегда с умилением и благодарностью вспоминал своего учителя – причетника Евграфа Ивановича. Этот бобыль-лапотник летними вечерами открывал окна своей избы и играл на скрипке, а местные крестьянские ребяташки целыми стайками обступали дом скрипача и слушали его, «затаив дыхание» [1, с. 11–13].

И.И. Шумов создал школу, в которую брали и мальчиков, и девочек. Он всегда подчеркивал, что сформировался как педагог только благодаря «неопустительному хождению за каждую церковную службу и пристрастию к чтению священных книг» [1, с. 15]. И вот пришли владимирские земцы. Они просто закрыли непотяговскую школу, так как Иов Иванович учил по Псалтири и Часослову и не знал новейшего «звуко-буквенного метода» преподавания [1, с. 38–39]. Сразу же вспоминается недоумение, высказанное Александром Ивановичем Кошелевым в статье «О сельских школах» – неужели мирянину нельзя сделать замечание духовным «даже на счет преподавания азбуки, арифметики и прочего?» [14, с. 146].

Но ведь И.И. Шумов за двенадцать лет существования школы обучил грамоте больше сотни крестьянских детей [1, с. 38–39]. Иов Иванович был вынужден уехать из села, покинуть родной храм, который благоукрашал на протяжении всей своей жизни. Он добрался до Оптиной пустыни, но буквально через неделю умер там в монастырской гостинице [1, с. 70].

В докладе Д.Д. Дашкова на сессии Рязанского губернского земского собрания 13 декабря 1869 года звуко-буквенный метод предстает фактически главной разделительной чертой, которая отделяет новую земскую школу от прежних народных школ. Дашков настаивает на его введении, несмотря на отсутствие пособий, и рассказывает о некоем молодом священнике, «вырезавшем заглавные буквы из попадающихся ему газет» ради того, чтобы перевести свою школу на этот метод [6, ч. 2, с. 15]. При этом сам Д.Д. Дашков никогда педагогике специально не обучался, зато писать на эту тему через призму задач передовой общественности начал еще за десять лет до своей земской деятельности [6, с. 13]. А вот в Рязанской духовной семинарии кафедра педагогики была открыта в 1866 году.

У борьбы либерального дворянства против церковной начальной школы была еще одна сторона – внешняя. Секуляризация и выдавливание духовенства из народной школы являлись

общеевропейскими трендами той эпохи. Это всячески подчеркивалось демократическими изданиями в России. В феврале 1868 года Эли Реклю (под псевдонимом Жак Лефрэн) писал в журнале «Дело», основанном известным радикалом, отсидевшим несколько лет в Петропавловской крепости Николаем Васильевичем Шелгуновым (1824–1891), что в Австрии «после 18-ти лет неограниченного владычества в политике, обществе, в области воспитания, духовенство возбудило к себе ненависть в том самом поколении, которое оно воспитало... Еще недавно 2000 школьных учителей, подверженных чисто солдатской дисциплине, объявили публично в большой зале венского дворца, что предпочитают голодную смерть дальнейшему подчинению тирании духовенства» [21, с. 102], а во Франции все политические силы полностью поддерживают принцип отделения церкви от государства [21, с. 95].

Сам Н.В. Шелгунов в 1870 году поместил в своем журнале очерк «Земское самоуправление и народная школа», где расхваливал германскую систему светских учительских семинарий [26, с. 27–28]. Именно по образцу этих учебных заведений и началось создание земских учительских семинарий в России. Вот только земцы отказались от одного из главных германских педагогических принципов подготовки учителей – строгой дисциплины. Результаты мы уже видели на примере Александровской земской школы.

Михаил Никифорович Катков еще раз резко выступил в «Московских ведомостях» против земских учительских семинарий в 1882 году, когда А.И. Кошелев в «Голосе» предвещал гибель всему русскому начальному образованию в связи с планами поддержки правительством церковно-приходских школ.

18 октября в своей статье М.Н. Катков писал: «После блистательных побед Пруссии в 1866 году пронеслось слово, что своими успехами она обязана главным образом школьному учителю, то есть учителю первоначальной народной школы» [11, с. 2]. Поэтому мысль о необходимости «образования особых учителей для народных школ» стала повсеместно распространяться. Ожидалось, что «люди эти, принадлежа к народу, были бы, казалось, его светочами, живой связью между темными массами и образованным обществом, проводниками всякого рода познаний в народе» [11, с. 2].

«И вот, – продолжает Михаил Никифорович, – пошли учреждаться учительские семинарии и от казны, и от земств, и теперь по-видимому вопрос считается навсегда решенным: мы имеем, должны и будем иметь многочисленный, непрерывно возрастающий числом класс народных учителей, подготовленных в учительских семинариях» [11, с. 2].

М.Н. Катков крайне резко оценивает в этой статье выпускников таких учебных заведений: «Учительские семинарии при самых лучших условиях могут давать только людей полуобразованных, а всякое полуобразование есть не сила, а слабость. Познания, которые могут выносить из своих рассадников учителя народных школ, не могут иметь никакого достоинства. Эти крупницы от трапезы наук не питают, а только надмевают и часто до глупости» [11, с. 2]. Как тут не вспомнить наивные книжки Молешотта в Александровской учительской семинарии – о том, что мозг физически вырабатывает мысль? Ведь именно этот вульгарный материализм несли ее выпускники деревенским детям.

Михаил Никифорович пишет об этой угрозе так: «Болтовня о разных предметах может производить только сумбур в головах детей, если начиненный отрывочными и поверхностными полусведениями учитель, не ограничиваясь азбукой, вздумает посвящать учеников в свою премудрость» [11, с. 2]. Ведь, говорит Катков, ожидается, что в начальных школах должны преподаваться «и гигиена, и медицина, и отцизноведение, и мироведение» [11, с. 2]. Катков иронизирует, что в кабаках теперь «поселяне будут рассуждать, не хуже, чем в черно-книжной английской клуба, об египетском вопросе... мужик наш узнает, что есть на свете блоха и также таракан благодаря руководствам барона Корфа» [11, с. 2].

Михаил Никифорович задается вопросом: «Если сельские учителя не могут при-
мыкать к ученой профессии, то какого же призвания по преимуществу может быть дело

народного обучения?» [11, с. 2]. Он отвечает себе: «Ни к чему иному не может примыкать народная школа, как к Церкви. Только священнослужитель может быть по преимуществу призванным народным учителем. Если вы полагаете, что наше духовенство неспособно обучать деревенских детей грамоте, так постарайтесь же сделать его к тому способным. Но не нелепо ли думать, что образование священника недостаточно для обучения деревенских детей грамоте?» [11, с. 2].

«Духовная семинария, – продолжает он, – несравненно более соответствует требованиям науки в высшем смысле этого слова, чем какая бы то ни было учительская семинария. Воспитанник духовной семинарии, по самой продолжительности, основательности и серьезности пройденного им курса, может с полным правом считаться представителем просвещения в среде народа, независимо от своего богословского характера» [11, с. 2].

«Итак, – подытоживает Михаил Никифорович, – церковь, вот истинная опора народной школы. Священнослужитель, вот по преимуществу призванный народный учитель, и везде, где государство не находится в борьбе с церковью, стараются народную школу удерживать сколько можно в теснейшей связи с религиозными учреждениями» [11, с. 2]. В практических вопросах, говорит М.Н. Катков, если священнику невозможно преподавать в силу занятости трудами, то учительствовать может диакон. Главное, чтобы школа носила церковный характер [11, с. 2].

В 1884 году, в связи с изданием новых «Правил о церковно-приходских школах» и выделения самих этих школ в целую подотрасль народного образования, М.Н. Катков в «Московских ведомостях» активно поддержал реформу обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева [12, с. 2–3]. То есть он занял позицию, прямо противоположную той, на которой стоял А.И. Кошелев. Однако в конечном счете основной тренд общественного развития оказался связан не с Михаилом Никифоровичем Катковым, а именно с Александром Ивановичем Кошелевым.

Борьба земцев против церковной школы и духовенства закончилась поражением Церкви и консервативных общественных сил. В результате земских реформ возник огромный слой новых учителей из числа разночинцев, преимущественно крестьян, полуобразованных и полностью зависимых в своем мировоззрении от либеральных и радикальных общественных кругов. Несмотря на то, что в этой среде было достаточно подвижников народного образования, она в целом стала важнейшей частью так называемого «третьего элемента» на селе, одной из главных революционных сил, совсем скоро снесших тысячелетнюю российскую государственность. А Михаил Никифорович Катков оказался пророком. Которых, как известно, нет в своем отечестве.

Литература

1. Бобров А.А. Крестьянин Иов Иванович Шумов и его просветительная деятельность в кругу своих поселян: Биограф. очерк / сост. свящ. Алексей Бобров. 3-е изд. М.: А.Д. Ступин, 1905. 72 с.
2. Виталий (Уткин), игумен. От церковности начального образования к церковно-приходским школам: парадигмальный поворот // Нива Господня: Вестник Пензенской духовной семинарии. Пенза, 2017. № 3 (5). С. 151–157.
3. Виталий (Уткин), игумен; Витязев Георгий, иерей; Витязева О.Ф. Полемика в периодической печати 50–60-х годов XIX века о народном образовании и месте в нем духовенства // Сборник трудов Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии. Иваново, 2017. № 1 (4). С. 79–114.
4. Внутреннее обозрение. 1 апреля 1876 года // Вестник Европы. 1876. Кн. 4 (апрель). С. 793–820.
5. Горнов В.А. Титан российской провинции (А.И. Кошелев: его взгляды и общественная деятельность) [Электронный ресурс] // Фонд «Русское либеральное наследие». М., 2011–2018 / Режим доступа: http://rusliberal.ru/full/publikacii_dokladi/titan_rossijskoj_provintcii_a_i_koshelev_ego_vzglyadi/ (дата обращения: 01.10.2018).
6. Деятельность Дмитрия Дмитриевича Дашкова по народному образованию в Рязанском земстве и его доклады Рязанскому губернскому земскому собранию за 1869–1875 гг. : С прил. ст. Дашкова «Дворянство и народ» / под ред. и с предисл. кн. Н.С. Волконского. Рязань: Ряз. учен. арх. комис., 1903. [2], 58, 3–118, 19 с.

7. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 272 с.
8. Земские известия // Голос. 1876. 3 февраля. С. 2.
9. *Катков М.Н.* Москва, 13 марта // Московские ведомости. 1876. 14 марта. С. 3 / М.Н. Катков // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1876 г. М.: Изд-е С.П. Катковой, 1897. С. 143–145
10. *Катков М.Н.* Москва, 19 апреля // Московские ведомости. 1876. 20 апреля. С. 3–4 / М.Н. Катков // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1876 г. М.: Изд-е С.П. Катковой, 1897. С. 207–210.
11. *Катков М.Н.* Москва, 18 октября // Московские ведомости. 1882. 19 октября. С. 2 / М.Н. Катков // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1882 г. М.: Изд-е С.П. Катковой, 1898. С. 541–544.
12. *Катков М.Н.* Москва, 14 декабря // Московские ведомости. 1884. 16 декабря. С. 2–3 / М.Н. Катков // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1884 г. М.: Изд-е С.П. Катковой, 1898. С. 643–646.
13. *Колюпанов Н.П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. Молодые годы Александра Ивановича : Воспитание и первоначальная служба Александра Ивановича Кошелева : Кн. 2. 1889. [4], 443 с.
14. *Кошелев А.И.* Голос из земства : Сб. ст. Вып. 1. М.: Типогр. В. Готье, 1869. [8], 170, [2], 61 с.
15. *Кошелев А.И.* Мои записки (1812–1883 гг.) // Русское общество 40–50-х годов XIX века. Ч. 1: Записки А.И. Кошелева / сост., общ. ред., вступ. ст. Н.И. Цимбаева. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1991. 238 с.
16. *Кошелев А.И.* О церковноприходских школах // Голос. 1882. 7 (19) октября. С. 1.
17. *Кузнецов И.В.* Деятельность Дмитрия Дмитриевича Дашкова по народному образованию в Рязанском земстве [Электронный ресурс] // История, культура и традиции Рязанского края. Рязань, 2007–2018 / Режим доступа: <https://62info.ru/history/node/7335> (дата обращения: 01.10.2018).
18. Курьезная вещь // Домашняя беседа для народного чтения. СПб., 1859. Вып. 20. 16 мая. С. 179–191.
19. *Любимов С.В.* Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи 1777–1910 г. СПб.: Типогр. т-ва «Обществ. польза», 1911. XIV, 80 с.
20. *Оленев М.Б.* Гласные уездных земских собраний Рязанской губернии (1873 год) [Электронный ресурс] // История, культура и традиции Рязанского края. Рязань, 2007–2018 / Режим доступа: <https://62info.ru/history/node/5047?page=0,1> (дата обращения: 01.10.2018).
21. *Реклю, Эли (Жак Лефрэн).* Политическая и общественная хроника // Дело. 1868. Кн. II (февраль). С. 83–105.
22. Русское православное духовенство, обвинения против него и его цивилизаторская деятельность: современные заметки // Христианское чтение. СПб., 1862. Ч. 2. С. 615–659.
23. *Рюмин Ф.Н.* Письмо к издателю // Московские ведомости. 1876. 10 марта. С. 4.
24. Рязанская Александровская учительская семинария: Ф. 620. Ед. хр. 197. 1869–1918 гг. Инв. оп. // Путеводитель по Государственному архиву Рязанской области [Электронный ресурс] // История, культура и традиции Рязанского края. Рязань, 2007–2018 / Режим доступа: <https://62info.ru/history/node/7335> (дата обращения: 01.10.2018).
25. Сегодня похоронили А.И. Кошелева // Современные известия. 1883. 16 ноября. С. 2.
26. *Шелгунов Н.В.* Земское самоуправление и народная школа // Дело. 1870. № 3 (март). Отд. II. С. 1–38.

Аннотация. Статья посвящена борьбе вокруг места духовенства в начальной народной школе в публицистике середины – третьей четверти XIX столетия. С точки зрения автора, конфликт в Александровской земской школе г. Рязани выявил всю глубину противоречий между либеральными помещиками из числа земцев и консервативными общественными силами. Земские деятели, находясь в общеевропейском тренде, стремились создать из числа крестьянских подростков слой новых народных учителей, полностью сориентированный на либеральные круги. Земская реформа фактически разгромила сложившуюся на протяжении десятилетий систему начального крестьянского образования в России. М.Н. Катков пророчески предсказал, что полубразованный земский учитель станет одной из главных сил, разлагающих народную жизнь.

Ключевые слова: Народная школа, духовенство, земство, учительские семинарии, учитель, «Голос», «Московские ведомости», «Дело», М.Н. Катков, А.И. Кошелев, либерализм, консерватизм, Александровская учительская семинария.

Abbot Vitaly (Utkin Igor Nikolayevich), Secretary, Council of Bishops, Ivanovo Metropolia; Secretary, of Academic Council, Ivanovo-Voznesensk Theological Seminary; Head of the Missionary Department, Ivanovo-Voznesensk Diocese; Post-graduate Student, SS Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies; Teacher, Theology Department, Ivanovo Fire Fighters Academy, State Fire Fighting Agency, Ministry of Emergency Situations of Russia. E-mail: inok_vitl@mail.ru

M.N. Katkov and the Struggle over the Clerical Character of Primary Folk School

Abstract. The article is devoted to the struggle over the role of clergy in elementary folk schools and publicism in the middle and the third quarter of the 19th century. According to the author the conflict in Alezandrov Zemski school in the city of Ryazan revealed the deep contradictions between liberal landowners from among Zemstvo and the conservative social forces. Leaders of Zemstvo who supported all-European trends were trying to educate peasant teenagers so that they would form a new circle of folk teachers who supported liberal ideas. The reform of Zemstvo practically destroyed the previous system of peasant elementary education in Russia that had been forming over decades. M.N. Katkov prophetically predicted that under-educated Zemski teacher would become one of the main forces corrupting the people's life.

Keywords: Folk School, Clergy, Zemstvo, Teachers Seminaries, Teacher, "Golos" (Voice), "Moscow Gazette", "Delo", M.N. Katkov, A.I. Koshelev, Liberalism, Conservatism, Alexandrov Teachers Seminary.

